

пасаду Прэзідэнта Украіны (Ю.У. Цімашэнка, У.М. Літвін) [2]. Да гэтага беларускі прэм'ер С.С. Сідорскі пад час рабочага візіту ў Кіеў сустрэаўся і меў канструктыўную размову з яўным лідэрам прэзідэнцкай гонкі В.Ф. Януковічам.

Па выніках першага туру выбараў (17 студзеня 2010 г.) барацьбу за пасаду працягваюць два кандыдаты Ю.У. Цімашэнка і В.Ф. Януковіч. Іх прадвыбарныя платформы дазваляюць сцвярджаць, што цеснае супрацоўніцтва на постсавецкай прасторы застанецца сярод прыярытэтаў украінскай знешняй палітыцы.

Абодва кандыдаты неафіцыйна называюцца прарасійскімі. Хаця падобныя сцвярджэнні вельмі ўмоўныя. Гэта абумоўлена тым, што іх “прарасійскасць” выяўляецца толькі на фоне спецыфічнай знешняй палітыкі яшчэ дзеючага Прэзідэнта. А пытанне паляпшэння адносін з Расіяй актыўна выкарыстоўваецца ў прадвыбарных гульнях. Але гэта не азначае, што абяцанні нармалізацыі адносін з Расіяй так і застануцца невыкананымі. У гэтым зацікаўлены эліты Украіны, якія прагнуць перагледзець газавыя кантракты і дабіцца больш спрыяльных умоў у развіцці гандлёва-эканамічнага супрацоўніцтва дзвюх дзяржаў, не губляючы пры гэтым цесных адносін з ЕС і ЗША. Таму новы Прэзідэнт Украіны для падтрымання свайго рэйтыngu і пад націскам гандлёва-прамысловых груп вымушаны будзе выконваць узятыя на сябе абяцанні, якія датычацца знешне-палітычнай стратэгіі Украіны.

Але гэта не прывядзе да актыўнага ўдзелу Украіны ў палітычных інтэграцыйных праектах на постсавецкай прасторы. Хутчэй за ўсё яна абмяжуецца толькі развіццём супрацоўніцтва ў эканамічнай сферы. Да большага не гатовы украінскія эліты. Больш таго, падобнае разгортванне падзей не дапусціць Вярхоўная Рада, у якой ніводная партыя (і гандлёва-прамысловая група, што стаіць за ёю) не мае большасці, і наўрадці будзе яе мець у бліжэйшыя гады.

У такіх умовах, безумоўна, ёсць магчымасць для актывізацыі беларуска-ўкраінскага супрацоўніцтва. Нашыя дзяржавы, як і раней, зацікаўлены ў пашырэнні таваразвароту, рэалізацыі сумесных праектаў, збліжэнні пазіцый у энергетычнай і транзітнай палітыцы. Да гэтага, у тым ліку, падштурхоўвае “газавы” і “нафтавы” шантаж з боку энергетычных манапалістаў з якім сутыкнуліся абедзве дзяржавы. Акрамя таго, на павестцы дня застаюцца праекты ў рамках праграмы ЕС “Усходняе партнёрства”. Усё гэта азначае, што новы прэзідэнт Украіны будзе працягваць развіваць тыя адносіны з Беларуссю, якія былі закладзены яго папярэднікам у 2009 г. і па магчымасці пашыраць двухбаковае супрацоўніцтва.

Літаратура

1. Кашликов, А. Устаканить Украину / А.Кашликов // БелГазета. – 2009. – 9 ноября – С. 3-4.
2. Кольченко, И. Киевские лавры / И. Кольченко // СБ – Беларусь Сегодня. – 2009. – 10 ноября. – С.3.

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА 1920-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ БЫТ

Г.Н. Яковлева

Первое десятилетие советской власти – это время становления новой советской школы, которая в свою очередь, должна была сыграть огромную роль в политической социализации детей. Происходила переоценка ценностей, внедрялись новые идеалы, нормы жизни, стили поведения. В основу бытовых практик установка о воспитании нового советского человека как человека коллективного, человека-общественника, сознательно созидającego новое общество и самого себя. На борьбу со старым бытом население страны мобилизовали многочисленные советские организации. Общество по борьбе с неграмотностью учило граждан читать и писать, Общество воинствующих безбожников внедряло в массовое сознание атеизм. Дома санитарного просвещения и ячейки Союза обществ Красного креста прививали рабочим и крестьянам санитарно-гигиенические навыки.

Под воздействием западных теорий возник гигиенический этос воспитания детей (строгое соблюдение чистоты наряду с эмоциональной сдержанностью, а также скрупулезное наблюдение за физическим и умственным состоянием ребенка). Как на Западе, так и в Советской России складывается новый идеал ребенка – энергичного, эмоционально независимого, инициативного. Культивируются такие качества как физическое здоровье, опрятность, трудолюбие. Одежда пионеров 1920-х гг. по форме и стилю совпадала с «рациональной одеждой» в британской детской культуре этого же времени. Советские девочки, также как и их британские сверстницы, отвергали бантики, рюши, воланы. Как отмечает К. Келли: «Приезжающие в СССР журналисты, педагоги и медики, как ни тревожила их практиковавшаяся там, но их мнению, «индоктринация» детей, в целом горячо одобряли усилия Советского государства по преобразованию традиционной системы их воспитания. Критике подвергался не характер гигиенического идеала, а его неполное осуществление на практике».

Наблюдавшаяся тенденция к усилению «мальчишеских» черт в одежде и манерах советских девочек, проникавшая в детскую культуру под влиянием школы и пионерского движения, закреплялась достаточно сложно. Многие девочки и их родители противились происходившей унификации. Раздельное обучение мальчиков и девочек в дореволюционной России, строгие гендерные стереотипы поведения и внешнего вида в предшествующий период сдерживали быстрое насаждение новых бытовых практик и манер поведения. Так, в 1925 г. Витебский окружной отдел народного образования беспокоила сохраняющаяся в школах города «отделяемость мальчиков и девочек». В «Плане проведения Международного дня работниц в школах семилетки» предлагалось провести с 4 по 7 марта 1925 г. конкурс на лучший класс данной школы, «больше всего изживший отделяемость мальчиков от девочек»; в устных газетах в юмористическом духе отметить отдельных учащихся или отдельные классы, придерживающиеся отделяемости и прочих «буржуазно-мещанских взглядов на женщину». Особая комиссия должна была выявить лучший класс на основе следующих критериев: «Лучшим классом считается тот, в котором меньше всего мальчиков и девочек, отделяющихся друг от друга, в котором больше всего девочек втянуто в общественную работу, в котором меньше всего девочек, сохранивших привычки «барышень» [ГАВО, ф. 170, оп. 1, д. 110, л. 20].

В реальности наблюдались серьезные трудности и с внедрением правил гигиены. Попытки школы вести борьбу за привитие правил гигиены, здорового образа жизни часто сталкивались с жестокими реалиями жизни детей из заводских районов. Протоколы заседаний школьных Советов Витебского округа за 1927 г. утверждали, что дети не просвещены в плане санитарии и гигиены, не снимают шапок в классах, курят, матерятся [Там же, д. 164, л. 309]. Зав. 10-ой школы признавал, что ученик 3-его класса П. «ведет себя возмутительно, рассылает записки с нецензурными словами, дерется. Мысли безнравственные, понятия развращенные, обижает каждого, уничтожает чужое – типичный пример дефективного ребенка».

Формирование нового советского быта шло параллельно с усвоением новой идеологии. В сознание и поведение подрастающего поколения «впечатывались» новые жизненные приоритеты и ценности, нормы поведения в школе, семье, на улице. Бытовые комиссии предприятий, женотделы разных уровней рекомендовали родителям называть своих детей новыми советскими именами: Владлен, Нинел, Октябрина и т.д. Традиции, связанные с религиозными праздниками и обрядами, заменялись советскими праздниками-заместителями (революционные крестины, октябрины и т.д.). Школа играла важную роль в вытеснении религиозного сознания и привитии новых поведенческих норм. В 1924 г. отдел народного образования рекомендовал провести антипасхальную кампанию [Там же, д. 372, л. 1 об.] по всем школам Витебского округа. Велась массовая разъяснительная работа среди еврейских школьников, не посещавших уроков по еврейским праздникам, постепенно вытеснялись хедеры. Уделялось большое внимание созданию советских школ для еврейских детей. Однако в Витебске, где значительную часть населения составляли евреи, наблюдался бытовой антисемитизм, особенно распространенный в Марковщине. Заведующий седьмой школы неоднократно докладывал о многочисленных нападениях учеников школы водников на детей из третьего еврейского класса его школы. Подростки этого района умудрялись оскорблять и терроризировать даже работниц фабрики. Комиссия, изучавшая ситуацию в 7-ой школе, признала, что во всех классах семилетки проводилось интернациональное воспитание, но уровень жизни в Марковщине, антисемитские настроения родителей оказывали отрицательное влияние на детей [3, л. 362].

Формирование нового советского быта во многом зависело и от самих педагогов. Часть из них была увлечена пафосом созидания нового коллективистского человека. Но значительная часть их не воспринимала новшеств советской школы, не превращалась в педагогов-общественников. В документе 1924 г. утверждалось, что учителя дружат с попами, «божатся» XIII съездом, неискренни и не хотят заниматься общественной работой. А латышские большевики, проверявшие работу латышской школы, были поражены тем фактом, что один из учителей не видел разницы между «Детской болезнью левизны в коммунизме» и венерической болезнью в коммунизме [ГАВО, ф. 10051-п, оп. 1, д. 15, л. 1 об].

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Пропитываясь новой идеологией, советская школа рассматриваемого периода способствовала внедрению в сознание, жизнь и быт подрастающего поколения новых политических, нравственно-бытовых, поведенческих норм и ценностей. Некоторые черты формируемого нового советского быта совпадали с исканиями прогрессивных педагогов на Западе. Движение начала века за «свободное воспитание», практика нового ухода за детьми получила официальную поддержку государства, а «мальчишеский» стиль поведения и отношений стал распространенным во всех детских учреждениях. Агрессивное навязывание новых идейно-политических и моральных ценностей, стремление разрушить многие черты старого быта, вызывала скрытое или явное сопротивление как учителей, так и учеников и их родителей.